

ПРОКОПЬЕВСКАЯ ТРАПЕЗА: ПРАЗДНИК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XVII ВЕКЕ

Крупнейший город Поморья Устюг Великий широко праздновал день памяти местного праведника Прокопия – “юродивого Христа ради”, умершего в 1303 г.¹ Первое свидетельство его почитания относят к 1458 г., когда над местом погребения Прокопия поставили часовенку. Первую обетную церковь в его честь построили в 1471 г.² Начавшееся с этого времени празднование святому постепенно вышло за городские и даже уездные пределы в соседний Сольвычегодск с его округой. Московский собор 1547 г., установивший чествование святых, либо всецерковное, либо местное, отнес память Прокопия к последнему и приурочил к 8 июля.

Что же представляет собой фигура устюжского святого? Житие Прокопия – памятник, окончательно сложившийся к середине XVII в. на основе местных преданий и разновременных произведений конца XV – середины XVI в. В.О. Ключевский, Н. Коноплев, а также А.М. Панченко, С.А. Иванов, А.Н. Власов отмечали логическую непоследовательность его частей, отрывочность глав, зависимость от ранее написанных житий³. А.М. Панченко отнес Прокопия Устюжского к заметным фигурам канонизированных юродивых наряду с Василием Блаженным Московским, Николой Псковским Салосом, Михаилом Клопским⁴.

Житие Прокопия содержит лишь отрывочные сведения о нем, а не обстоятельную биографию святого⁵, как, например, жития Сергия Радонежского или Кирилла Белозерского. Прокопий происходил “от западных стран, от немецкия земли. Рождение же и воспитание его бысть в великом богатстве”. С торговым кораблем и со “своею дружиною с латинники” он прибыл в Великий Новгород⁶. Здесь тайком от соплеменников Прокопий познакомился с православной службой и верой, что повлияло на его “помышления”. Найдя наставника в “вере православной” в Хутыньском монастыре (по Житию, им стал сам Варлаам⁷), он принял нелегкое решение: порвать с “латинским мудрствованием” и креститься, а также вступить в “юродственное Христа ради житие”. Тяготясь вниманием новгородцев и их “похвальными словесами”, Прокопий ушел из города “к восточным странам”. Терпя по пути разные невзгоды и “многу досаду и укорение и биение и пхание от безумных челоуек”, Прокопий дошел до Устюга. Здесь он осел и стал днем юродствовать, а ночами молиться за “неразумных” людей и их грехи. В Устюге он прожил “времена и лета довольна” до своей смерти в 1303 г.⁸

Праздничная трапеза воссоздается на основе документов 60-х годов XVII в., а именно записей, находящихся в таком своеобразном источнике, как расходные книги мирских старост Устюга⁹. Происхождение источника из недр земского мира обязывает к некоторым пояснениям.

Во-первых, о социальном облике севера России в XVI–XVII вв. Это край преобладания так называемых черносошных крестьян. Отличительной чертой их статуса была личная независимость, ведь помещичье-вотчинное землевладение не получило здесь распространения (вотчины Стогановых – исключение), а монастырское не превышало 20%. Крестьяне держали участки “черной” земли, отягченной государственным тяглом – совокупностью налогов и повинностей. Жители северных городов сочетали ремесла и торговлю с земледельческими и животноводческими занятиями, они нередко имели земли в волостных деревнях. Горожане, как и крестьяне, несли тяглые обязательства.

Во-вторых, особенностью северных городов было то, что они вместе с уездными составляли неразрывное целое, единое по принадлежности земли государству и однородное в фискально-податном отношении.

В-третьих, северные земские миры были организованы ступенчато. Нижнюю – на волостном уровне – представляла община, которую составляли малодворные деревни, группировавшиеся вокруг волостного центра. Обширные волости делились на более мелкие самостоятельные общины-волостки. Следующей ступенью мирской организации был всеуездный мир, который складывался из отдельных волостных и посадской общин, которые находились в органичной взаимосвязи. Именно так были устроены миры Великого Устюга, Сольвычегодска, Тотмы, Каргополя и др. Всеуездные миры могли объединяться в мир земли, например Вятской, как крупной областной территории.

Общество на севере было пронизано множественными вертикальными (наряду, конечно, с горизонтальными) связями, восходящими от малых социальных групп – семьи, соседей – к общинам на уровне волости и посада и через них к земскому миру в масштабе уезда или земли. Северные миры – это более или менее сложные, иерархически связанные системы. Они на всех уровнях обладали самоуправлением, которое реализовалось в действии мирских сходов и выборе должностных лиц, как правило, на календарный год (он начинался 1 сентября). Этому аппарату общинники доверяли ведение всех дел, а в конце года, по истечении полномочий мирские должностные лица, прежде всего старосты, отчитывались перед сходом. В течение года мирской аппарат вел документацию, с особой тщательностью учитывая пополнения своей кассы, а главное – расходы в специальных книгах. Их составляли и в волостных, и в уездных мирах. Скрупулезные записи расходных книг запечатлели два информационных среза о повседневной жизни: во-первых, одну из обязанностей мирского аппарата, во-вторых, участие мирских людей в несении расходов на земские нужды, в том числе праздничные.

Во всеуездном мире Великого Устюга ведение расходных книг входило в обязанность специально выбранных сборщиков денег, они записывали траты по месяцам и числам, от таких, как праздничные – на Рождество, Пасху, день Петра и Павла, Успение – до каждодневных продуктовых и хозяйственных, которые мир оплачивал в пользу местных администраторов – воеводы, дьяков и подьячих Приказной избы¹⁰. К

праздничным следует отнести расходы и на “Прокопьевскую мольбу”, внесенные в книги 1666/67, 1667/68, 1668/69 гг. под датой 7 июля, т.е. накануне праздника.

Покупка и оплата из мирской кассы продуктов к праздничным столам воеводы и подьячих традиционно связаны и опосредованно восходят к рождественским, петровским, великоденским кормам, которые получали в XIV – первой половине XVI в. местные управители – наместники и волостели. Эта сторона кормленной системы к XVII в. трансформировалась в обычно-правовую норму¹¹.

Празднование дня святого Прокопия – покровителя Великого Устюга – стоит в одном ряду с важнейшими христианскими праздниками, что прочитывается сквозь записи расходных книг. Его организация входила в круг обязанностей земских мирских властей, так же как подношения воеводе и приказному аппарату к упомянутым христианским праздникам. Фиксация расходов по случаю дня святого Прокопия достаточно отчетливо очерчивает контуры взаимоотношений земского мира с церковью и ее служителями в XVII в.

Очевидно, что записи расходных книг за упомянутые годы XVII в. ничего не сообщают о самом празднике в честь Прокопия, а лишь о приготовляемых питье и еде, которые оплачивал земский мир из своей кассы. Однако ясно, что праздник начинался службой в храме Чудотворца, во время которой читалось его Житие. После окончания службы происходила совместная трапеза.

Прежде всего записи фиксируют специально варившееся ячменное пиво, основные компоненты которого – солод, роща, мука, хмель – были “мирские зборные”. Для варки пива существовали специальные котлы, хранившиеся при церкви. В 1668 г. воспользовались котлом приходской церкви Петра и Павла, за что “петровским старостам Констанции Коморникову с товарищи от церковного котла дано правару шесть алтын четыре деньги”¹². Пиво предназначалось попам, дьяконам, пономарям, а также нищим. “И то пиво в праздник в Прокопиев день роздано нищим и потчиваны попы и крылошане”¹³.

Приготавливался канун – питье из купленного заранее меда для поминовения святого Прокопия.

Варили кашу нищим из “мирской зборной крупы”, в нее клали 10–15 безмен коровьего масла, т.е. 10–15 кг.

Покупали у хлебников и специально заказывали множество хлебов, числом от 150–170 до 250 крупных ковриг, а также караваи, пшеничные калачи, серые хлебы от 150–170 до 250–260, мелкие хлебцы.

Делали сыры из молока и яиц, пекли множество рыбных и мясных пирогов, для чего покупали яйца, чтобы “середки начинявали и бараньи лопатки и в пирожные огибки”¹⁴.

Выделены траты как бы более высокого ранга на свиные окорока, свежие и соленые, говяжьи части (пудами); рыбу – семгу, палтус соленый и свежий для пирогов, соленую и свежую треску; ингредиенты на студни (языки, бычьи губы, ноги).

Обилие приготовляемой еды нужно солить – и “в то же кашу и в сыры и на издержку куплено полпуда соли”, не забыты лук, чеснок, уксус¹⁵.

В конце каждой из записей подведен итог тратам: “И всего на то Прокопьевскую мольбу денег издержано ... 12–14 руб.”, – правда, сумма не всегда подсчитана. Записи за разные годы довольно однотипны, хотя, конечно, варьируют. Имело значение, на какой из дней недели приходился праздник. Если на постный, как в 1668 г., то в меню – разнообразная рыба – соленая, свежая, сухая – которая покупалась пудами для разных блюд и на множество кулебяк и пирогов.

Обязательные кушанья праздничной трапезы – пиво, канун, сыр, хлеба, мясной или рыбный стол, каша. Коллективное поедание яств, а особенно присутствие среди них хлеба, каши, сыра, несет традиционно обрядовую нагрузку, уводящую в глубь веков. Еще Н. Срезневский писал, что поклонение языческой Рожанице состояло в молениях и “бескровном” обрядном обеде, на котором “крялили” хлеб, сыр и пили мед¹⁶. Печеный хлеб, как и хлебные зерна, имели также обрядовое значение, что ярко проявлялось в свадебном празднике. Жертвенный смысл хлеба, освященного молитвами, донесли песенный фольклор, заговоры, свадебные обряды. Хлеб – не только выражение благополучия и богатства, но и подношение, подарок, угощение. Каша, приготовляемая из хлебных зерен, тоже ритуальна, как и хлеб. Она – непрременная принадлежность рождественного праздника, свадебного пира, похоронного обряда. В Архангельской губ. еще в XIX в. каша сохранялась в качестве ритуальной еды в конце жатвы¹⁷. Естественно, христианство поглотило, встретило в свою систему и картину мира прежнюю обрядность, в частности коллективную трапезу. С течением времени она стала сочетаться с чествованием памяти святому и с церковной службой.

Вопрос о сотрапезниках совсем не праздный. Известно, что как в Устюг, так и в Сольвычегодск на Прокопьев день был “большой съезд”. В города приходили, приезжали крестьяне околгородных сел и деревень и из более удаленных волостей. В 1635 г. в Сольвычегодске 8 июля был “великий съезд со всего Усольского уезда и с ыных волостей, с Перморогья и з Двины и праздновали Прокопию Устюжескому чудотворцу”. Однако крестьяне свидетельствовали, что “у Соли на посаде о празднике о Прокопьеве дни были. А как обедни у Праздника отпели, и мы волостные крестьяне по своим деревнишкам розъехали”¹⁸.

Каждая из цитируемых записей по-разному упоминает его участников, что зависело от характера и аккуратности ведшего книгу. Именно несовпадение “действующих лиц” в какой-то мере проясняет их круг. Это – причты городского Успенского собора, церкви Прокопия чудотворца и приходских церквей, а также “крылошане”. Судя по писцовой книге Устюга и уезда от 1623–1626 гг., учитывавшей городские дворы, священно- и церковнослужителей, в нем было 60 человек¹⁹. Трудно определить число “крылошан”, но, безусловно, это младшие члены церковного причта. Запись в книге 1668/69 г. свидетельствует, что у “Ивана Мартынова у Кучи куплено шездесят ложек на стол крылошанем”²⁰.

Из документов о празднике создается впечатление, что “крылошане” представлены более многочисленной группой, нежели чтецы и певчие. По всей вероятности, земские должностные лица – старосты, целовальники, собственно устроители праздника – в нем участвовали. Вряд ли их роль ограничивалась только подготовкой стола, покупкой продуктов на местном рынке, заключением договоров о поставке снеди, дров, хлопотами по обеспечению стряпни и подытоживанием расходов.

Я уже говорила, что сырье для приготовления пива, каши, сыра “збирали по миру”. Такой сбор был обязанностью земских приставов, они за него получали вознаграждение. В 1668 г. пристав Максим Антипин Башарин “с товарищи” получили полчана “дробин”, т.е. оставшейся от варки пива гущи, как раз “за работу от хоженья”²¹. Сбор “по миру” – несомненный факт общинной складчины, причем натурой, в данном случае это солод, крупа, мука. В этой акции участвовали горожане, а опосредованно и крестьяне.

Трапезу в память устюжского святого можно охарактеризовать как складочную, причем устраиваемую в храмовой праздник. Складчина же – неперменный атрибут братчины, т.е. коллективного общинного праздника-пира.

Эти свойства вызывают ассоциацию с пирами и братчинами, которые отразили документы середины XV – начала XVI в., на них запрещалось приезжать, приходиться незванным людям в митрополичьи и монастырские села и деревни. А.Н. Попов, но особенно Л.В. Черепнин и А.Л. Хорошкевич показали, что запрет ограждал сельское население феодальных владельцев через иммунитетную привилегию от посягательств княжеской администрации на получение некоторого дохода через своеобразную форму кормления, каковой было участие в пирах и братчинах²². Обширный материал о коллективных застольях крестьян разных районов России, которые устраивались намного позже, в XIX в., на средства общины и были приурочены к дням храмовых или местных святых, собран и обстоятельно исследован в книге М.М. Громыко²³. Хронологическую и тематическую лакуны до некоторой степени заполняют анализируемые документы XVII в., но относятся они не к сельской местности, а к городу. Примечательно, что в них не упоминается ни о воеводе, ни о приказных в качестве участников Прокопьевской трапезы. Вероятно, они не были “званы”, что лишь подчеркивает сохранившуюся традицию – братчинный характер праздника.

Порядок и терминология записей расходных книг показательны в социальном смысле. Пивом “потчиваны” попы и “клирошане”, а нищим его раздавали, их же “оделяли” серыми хлебами и кашей²⁴ – не ординарной, а сдобренной коровьим маслом.

Церковный клир “кормлен”, “потчиван” за столом. Именно “на стол в кормлю попам и дьяконам и дьячком и пономарем” подавали обилие мясных и рыбных блюд, кулинарные изыски – начиненные яйцами бараньи лопатки, кулебяки с красной рыбой, пироги. Пиршество не обходилось без вина, которое покупали на кружечном дворе. Соци-

альность трапезы, отраженная в меню, заложена в источнике и фиксируется с бесстрастностью. К сожалению, он не сообщает, где происходило застолье – в церковном дворе или в трапезной, в каком порядке рассаживались за столом его участники.

Праздник Прокопия Устюжского воспроизводит традиционную схему празднования по типу братчины, элементы которой отчетливо просматриваются сквозь почитание местночтимого святого: молебен в церкви, коллективное застолье с ритуальными яствами, имеющими архетипические образцы. Записи в расходных книгах земского мира Устюга приоткрывают завесу его отношений с клиром городского собора и приходских церквей. Роль земских властей в организации трапезы настолько очевидна, что прочитывается как обязанность угощать и потчевать священников. Если поставить рядом подношения местной администрации к христианским праздникам – Рождеству, Пасхе, дню Петра и Павла, Успению (а также в дни тезоименитств) – и устройство празднества для иерархов устюжских церквей в городской престольный праздник, то параллель напрашивается сама собой. Земский мир – организатор и “финансист” трансформированных систем: кормов и коллективных трапез. Складчинная суть братчины, проявлявшаяся в городском празднике и трапезе, оборачивалась принуждением, связанным с их обеспечением.

Уже сам учет трат на проведение Прокопьева дня и помещение их в статью расходов на мирские нужды – свидетельство обыденности. В конце года все траты суммировались, затем разверстывались на каждую из общин: посадскую и волостные, а внутри них – на каждое хозяйство. Поэтому всякий посадский и крестьянин участвовал в несении расходов на мирские нужды, в которых тонули траты на Прокопьевскую “мольбу”.

Таким образом, из скупой бухгалтерской записи в книгах денежных сборщиков устюжского мира извлекается многоаспектный материал социокультурного значения. Он свидетельствует о сохранении и бытовании ритуала праздника, восходящего к коллективным трапезам, но уже преобразованного временем и общественными условиями.

¹ В источниках встречается и другая дата – 1285 г. См.: *Сербина К.Н.* Устюжское летописание XVI–XVII вв., М.; Л., 1985. С. 106.

² *Шляпин В.* Святыни г. Устюга в память пр. Прокопия чудотворца // *Русский паломник.* 1903. № 27. С. 459.

³ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 277–278, 343–344; *Коноплева Н.* Святые Вологодского края // *ЧОИДР.* М., 1895. Кн. 4, отд. IV. С. 15–19; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньирко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. (Далее: Смех); *Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1994. Гл. 7; *Власов А.Н.* Устюжская литература XVI–XVII вв.: Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995. С. 19–23.

⁴ Смех. С. 72.

⁵ Житийные биографии русских юродивых, особенно современные, редки. “Почти везде неискусная, привычная к литературным шаблонам рука стерла

- своеобразие личности”, отметил Г. Федотов (*Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 199*).
- ⁶ Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893. Л. 12. (Далее: Житие). См.: *Будовниц И.У. Юродивые Древней Руси // Вопросы религии и атеизма. Сб. ст. М., 1964. Вып. XII. С. 189; Смех. С. 73; Иванов С.А. Указ. соч. С. 86.*
- ⁷ Исследователи обратили внимание на хронологическую несообразность этого эпизода. Варлаам Хутынский, по свидетельству Новгородских летописей, преставился в 1192 г., Прокопий же – в 1285 г., по данным Устюжского летописца, или в 1303 г. по Житию. См.: *Коноплев Н. Указ. соч. С. 19; Шляпин В. Житие праведного Прокопия Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопиевского собора. СПб., 1903. С. 26; Сербина К.Н. Указ. соч. С. 103, 106.*
- ⁸ Житие. Л. 13, 15 об.–19, 59.
- ⁹ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164, 170, 177. О классификации и типологии приходных и расходных книг см.: *Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1997. С. 177–197.*
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 2.
- ¹¹ *Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 248–250.*
- ¹² РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 175 об. В Богоявленском приходе Яхренской вол. Устюжского у. при передаче вновь избранному церковному старосте казны и имущества значатся “три кодла пивоварных, а четвертой малой” (*Русская историческая библиотека. СПб., 1890. Т. 12. Стб. 752*).
- ¹³ РГАДА. Устюг. Ф. 137. Л. 223 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 228, № 164. Л. 171.
- ¹⁵ Там же. № 177. Л. 227.
- ¹⁶ *Срезневский Н. Рожаницы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1885. Кн. 2, пол. 1. С. 110.*
- ¹⁷ *Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов // Избр. труды. М., 1996. С. 175–180, 183–185.*
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 141. 1636. № 25–1. Л. 13.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1209. Кн. 506. Л. 82 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 137. Устюг. № 177. Л. 229.
- ²¹ Там же. Л. 224.
- ²² *Попов А.Н. Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2, пол. 2. С. 19, 39–41; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв., М., 1960. С. 308–311; Хорошкевич А.Л. “Незванный гость” на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России. Сб. ст. М., 1987. С. 184–191.*
- ²³ *Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в., М., 1986. С. 132–146.*
- ²⁴ Как и для пива, там имелись “кашеварные котлы”, хранившиеся вместе с пивными при церкви (см.: РИБ. Т. 12. Стб. 752).